

Петербургская газета. СПб., 1904. 8 июля. № 186. С. 2

НА ГРОБЪ ЧЕХОВУ.

Умеръ Чеховъ. Сегодня тѣло его прибѣдетъ въ Петербургъ.

Умеръ Чеховъ, великій пессимистъ земли русской.

Почему пессимистъ?

Кто изъ русскихъ писателей заставлялъ васъ смѣяться?

— Чеховъ.

Кто изъ русскихъ писателей написалъ цѣлую массу юмористическихъ разсказовъ?

— Чеховъ.

Чеховъ не только русскій Гюи-де-Монасанъ, но и русскій Маркъ Твенъ...

И все-таки, когда васъ спросятъ:

— Кто въ Россіи самый глубокій пессимистъ?

Вы отвѣтите:

— Чеховъ.

Хорошее же послѣ этого въ Россіи представленіе о юморѣ.

И о пессимизмѣ.

А между тѣмъ это такъ: извѣстный въ Россіи юмористъ—это пессимистъ Чеховъ.

* *

У каждаго писателя есть свой діапазонъ, какъ у пѣвца.

У однихъ хороши верхи,—лазурныя дали оптимизма.

Задорныя трели смѣха искрятся и горятъ божественнымъ огнемъ.

Рулада договяетъ руладу.

Трепещутъ форшлагы улыбокъ.

Сіяютъ счастьемъ аккорды.

Это—писатели-тенора.

У другихъ—наоборотъ, хороши низы,—мрачныя аккорды пессимизма.

Все окутано флеромъ печали.

Нѣтъ ничего яснаго, отраднаго.

Каждая нота полна грусти.

Каждый бриллиантикъ кажется блеснувшей слезой.

Каждый пассажъ расплзается въ настроеніе.

Это—писатели-басы.

Но больше всего такихъ писателей, у которыхъ хороши только среднія ноты.

У нѣкоторыхъ даже октавы нѣтъ.

Есть три-четыре самыхъ среднихъ нотки, и на нихъ они всю жизнь чирикаютъ.

Это—писатели-баритоны.

Какой-же писатель Чеховъ?

Его діапазонъ безграниченъ. Его верхи и низы одинаково хороши, а о неподобныхъ среднихъ нотахъ и говорить нечего.

Отчего-же печать и общество игнорируютъ «верхи» Чехова и называютъ его басомъ?

Развѣ добрый юморъ не стоитъ добраго пессимизма?

Почему пресса пристегнула къ Чехову этикетъ пессимиста, котораго онъ и самъ не можетъ отстѣпнуть?

Почему въ печати и обществѣ слышны упреки, что Чеховъ сдѣлалъ своими произведеніями общество пессимистомъ, что онъ ведетъ общество за собой въ сторону мрака и печали?...

Нѣтъ, не Чеховъ сдѣлалъ общество пессимистомъ, а общество сдѣлало Чехова пессимистомъ.

Онъ пришелъ въ міръ съ огромнымъ запасомъ оптимизма. И поклянувшись міръ съ оптимистической фразой на устахъ,—фразой студента Трофимова:

— Вотъ оно счастье... Вотъ оно идетъ, подходить все ближе! Я уже слышу его шаги. И если мы не увидимъ, не узнаемъ его, то что за бѣда—его увидать другіе.

Чеховъ родился и умеръ полнымъ, цѣльнымъ, цѣлостнымъ поэтомъ. На его палитрѣ были всѣ краски, въ его симфоніи пѣли всѣ ноты...

Но камертоны резонируютъ только тогда, когда они настроены въ одинъ тонъ. Это законъ физики. Это законъ психологіи.

И камертоны сердецъ нашего общества, пессимисты...

наметательно настроенные, полными его резона-
рами только на поэтический ноты лиры
Челова...

Так Человъ сталъ въ народныхъ устахъ
всесоюзнымъ...

— * *

Вспомните облетѣвшій всѣ газеты рассказъ
о томъ, какъ къ Челову изъ провинціи при-
ѣхалъ близнецъ-близнецъ.

— Я пришелъ къ вамъ учиться пессимизму.
А Человъ будто-бы сталъ «учить» его оп-
тимизму.

Въ действительности, конечно, такого близ-
неца не было.

Магко улыбался, Человъ говаривалъ по по-
воду этого рассказа:

— Про меня въ газетахъ только одна
разъ за всю жизнь была напечатана правда...

— ?...

— Это когда было напечатано, что я
уѣхалъ изъ Ялы...

Однако, этотъ близнецъ-близнецъ — не
простая газетная выдумка.

Это—символъ.

Символъ нашего близнецоваго общества. Оно
подозло къ Челову со словами:

— Научи меня пессимизму.

А Человъ сталъ «учить» оптимизму.

Въ отгвѣтъ онъ сталъ рисовать картинку на-
шей сѣрой, будничной, мелкой жизни.

Такой мелкой, что се въ любомъ мѣстѣ
можно перейти въ бродъ.

Такой мелкой, что большими кораблями и
плавать нельзя.

Практичными, безжалостными мажками, на нѣ-
тъ пошлость нашей насущной обыватель-
щины...

И каждой строкой говорили:

— Все это—жесточкая правда... Но чѣмъ
хуже, тѣмъ лучше, потому что долго такъ не
можно продолжаться... Развѣйка придетъ...
Придетъ счастье... Я уже слышу его шаги...

—

Благодаря Челову мы почувствовали зат-
ворность той запертой будничной комнаты, съ
которой начали были сживаться, думая, что
выпоразниваемся.

Мы почувствовали отращиваніе къ стоячему
белому обывательщину и начали искать вы-
хода.

Мы устали сносить блѣдные сумерки
дня.

Гнетъ туманныхъ, чахоточныхъ будней,
О, поэтъ, отгони...

Пусть зажгутся огни.

Безъ которыхъ наша сонъ непробуждѣнъ...

Такъ все мелко, такъ пусто и мало у
насъ:

Горизонты и пики, и плоски...

Въ сердцѣ сѣта залась

Поблѣтѣть и погасъ...

Вмѣсто звѣздъ—чуть замѣтныя блестя...

Нѣтъ ни мыслей, ни красокъ, ни яркихъ
рѣчей,

Ни любви, ни святыхъ вдохновеній:

Голосъ всмыслить-ли чей,

Прозвучить горячій

И утопнуть въ волнахъ снастроений...

О, поэтъ, объясни намъ: куда мы бре-
демъ

Ты отгвѣть намъ, куда насъ направляешь?

Мы мучительно ждемъ,

Мы пути не найдемъ—

Неужель насъ на мѣстѣ оставишь?...

Настроения, символы, намеки на намеки,
Отголоски былыхъ несвѣдѣній...

Въ комъ блеснуть огонекъ,

Тотъ для насъ и пророкъ,

Думъ властитель, чарующій гений...

Мы готовы за великимъ пророкомъ идти
И блуждать съ нимъ во мракѣ глубо-

комъ,

О, поэтъ, освѣти

Передъ нами путь,—

Будь для насъ лучезарнымъ пророкомъ.

Но Человъ не былъ пророкомъ.

Онъ былъ чистымъ художникомъ, а не пе-
редвижникомъ.

Онъ былъ чистымъ поэтомъ, а не приклад-
нымъ...

Онъ не дѣлалъ выводовъ. Не морализуетъ.
Онъ просто наивно называлъ разными то,
отъ чего чистые поэты привыкли отворачи-
ваться.

И «чистымъ», слишкомъ «чистымъ» по-
этамъ казалась странной, непонятной, дикой
честная поэма непримѣтныхъ будней мѣщан-
ской прозы Челова.

Небо пасмурно. Низко нагнулось оно

Надъ долиною, замкнутой выжженными
лѣсомъ,

Надъ глухой деревушкой, надъ вѣтхимъ
пансіонъ,

Гдѣ солому скотамъ кормили давно.

Тишина. Какъ лютуютъ, висеть облака.

Въ нихъ—закатъ въ вадѣ красныхъ ча-

хоточныхъ вѣтвей.

Словно тусклая лужа, застыла рѣка.

Общій видъ неуютенъ, убогъ, неопрятенъ...

Вотъ голодное стадо голодныхъ вастухъ

По дорогѣ прогнавъ,—и молочное мглою

Все окутала вилъ. Какъ удрученъ и сухъ

Этотъ вечеръ. Поляжетъ соломою гнилою,

Перевѣтливъ назовомъ и чѣмъ-то другимъ,

Не поймешь чѣмъ,—но тоже какою-то
гнилью...

Тишина. Все покою, рутинѣ, безсилью

Предается. И Человъ называлъ дорогимъ,

Близкимъ сердцу, роднымъ этотъ буднич-

ный видъ,

Полный лицевенской грязи, тупого мол-

чанья...

Никогда не слыхала я страннѣй замѣ-

чанья,

Что-жъ объ нашемъ роствѣ съ му-

жичьемъ говорить?...

Мы паримъ въ поднебесѣхъ свободной

мечтой,

Мы какъ голуби чисты и мудры, какъ

звѣзды...

Горизонтъ нашъ широкъ и высокъ идея,

Мы стремимся вперёдъ къ свѣтлой цѣли

свѣтлой...

Ну, а здѣсь безъ движенія застылъ весь

окрестъ.

Люди спать безъ снѣдей. Горизонты ихъ

уны:

Не просторнѣй полштофа, не шире ку-

тушки,

И несуть безъ роптанья тяжелый свой

крестъ.

Не несуть, а на мѣстѣ съ желѣзными

крестомъ

Тяжело съ ноги на ногу идутъ въ мол-

чанья...

Что-жъ «родного», скажи ты, въ без-

скалія томъ

Никогда не слыхала я страннѣй замѣ-

чанья...

Тишина. Какъ лютуютъ, висеть облака.

Въ нихъ закатъ въ вадѣ красныхъ ча-

хоточныхъ вѣтвей.

Общій видъ такъ печаленъ, убогъ, не-

опрятенъ...

Словно тусклая лужа, застыла рѣка...

Вспомните, что говорилось о Человѣ послѣ
«Мужиковъ».

Человъ поэтъ безсалия.

Но развѣ, сознавъ свое безсалие, мы не
возбуждали силъ.

Человъ поэтъ будней.

Но развѣ за субботами Челова не греются
воскресенья...

Человъ поэтъ безвременья.

Но онъ будетъ и поэтомъ времени, когда

придетъ его время...

Надо ждать, надо страстно желать, чтобы это время наступило.

Время, когда общество сумеетъ резонировать на юморъ Чехова, на его смѣхъ, на его улыбку, на его веселость, такъ же чутко, какъ теперь резонируетъ на его пессимизмъ.

Н. Георгиевичъ.